

Для цитирования: Прилукова, Е. Г. Отчуждение цифровой реальности: человек без выбора или выбор за человеком? / Е. Г. Прилукова, П. С. Рагозин // Социум и власть. — 2026. — Т. 23. — № 1. — С. 102–114. — EDN UKMHHG.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN UKMHHG

BAK 5.7.7

УДК 101.1:316 + 130.3

ОТЧУЖДЕНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЧЕЛОВЕК БЕЗ ВЫБОРА ИЛИ ВЫБОР ЗА ЧЕЛОВЕКОМ?

Прилукова Екатерина Григорьевна,

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),

профессор кафедры философии,
доктор философских наук,

Челябинск, Россия.

SPIN 1101-9447

ORCID 0000-0002-0502-2917

Researcher PHD-9345-2026

E-mail: prilukova74@gmail.com

Рагозин Павел Сергеевич,

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),

аспирант кафедры философии,
Челябинск, Россия.

SPIN 2188-8289

ORCID 0009-0009-4856-5207

E-mail: zluka6666@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Авторы статьи обращаются к безграничному потенциалу цифровых техники и технологий, как результату человеческой деятельности в трансформации информационного общества, где медиатизация и цифровое конституирование актуальной реальности социума ведет к становлению гибридной реальности, существенно меняющей восприятие мира. На основе коэволюции новых технологий и человека, цифровая реальность обеспечивает переформатирование информационного общества в цифровое, а деятельность человека все более и более оказывается опосредованной цифровыми технологиями и техникой, на основе чего происходит становление и развертывание гибридной реальности.

Это в свою очередь, ведёт к трансформации социальных практик, переводящей их в гибридный формат: социализация в рамках технологий дистанционного обучения, сетевая солидарность, размывание границ приватного и т. д. Постепенно осуществляется транзит социальности (тотальная коммуникация, поиск новаций, цифровая этика и др.), порождающий уже новые формы отчуждения.

Цифровая реальность, вторгающаяся во сферы реального бытия человека и общества, превращающая среду их пребывания в гибридную,

становится «фабрикой» новых форм ответственности и отчуждения, а сети и платформы, принуждающие человека и общество действовать в мире экранных образов, — основным знаково-символическим инструментом их конструирования.

Цель. Исследование направлено на анализ создаваемых деятельностью человека изменений информационного общества, ведущих к формированию в цифровой реальности новых форм отчуждения. В этой связи задачами является рассмотреть способы медиатизации и цифрового конституирования, ведущие к формированию гибридной реальности, ее становление и развертывание, а также трансформацию социальных практик в «транзит социальности» в ситуации переформатирования информационного общества в цифровое; проанализировать новые формы отчуждения, порождаемые обозначенными процессами, а сети и платформы как основной знаково-символический инструмент конструирования современных форм отчуждения, ответственности и выбора; обозначить ориентиры преодоления отчуждения гибридных форматов цифровой реальности.

Материалы и методы. Для анализа гибридизации социальных практик в статье применяется междисциплинарный подход. Он позволяет синтезировать методологический инструментарий классического социально-философского знания (в частности, концепции деятельности и отчуждения) и неклассического (идеи теорий постиндустриального общества, социального конструктивизма, акторно-сетевой теории и «critical data studies»). Методологическая база исследования включает также как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специальные (контент-анализ креолизованных текстов социальных медиа).

Научная новизна исследования. В осмыслении цифровизации социума сегодня в социально-философском дискурсе фактически сложилось два полюса — оптимистический и пессимистический. Такой подход носит ограниченный характер и не позволяет увидеть многомерность и амбивалентность цифровой трансформации. С одной стороны, медиатизация общества и его конструирование архитектурой цифровых платформ предлагает образцы и стандарты различных социальных практик, принуждая человека к утрате субъектности. Однако, с другой стороны, цифровая техника и технологии — всего лишь результат его деятельности, и, следовательно, это увеличивает ответственность самого человека за дизайн цифрового ландшафта. Поэтому авторы статьи полагают, что необходим третий подход — «синтетический», рассматривающий становление цифрового общества как продолжение информационного, в котором не только манифестируется обострение противоречий позиционирования человека как субъекта, но и обозначаются поиски путей их решения.

Результаты. Рассматривая цифровое общество как логическое продолжение информационного, авторы указывают, что цифровые техника и технологии всего лишь артефакты сложной социотехнической деятельности и не обладают собственной субъектностью. Отказываясь от критики систем больших данных, алгоритмов, платформ,

навязывающих форматы организации жизнедеятельности общества и человека, оптика рассмотрения цифрового общества смещается к анализу проблем гибридизации реальности, связанных с новыми форматами ответственности, отчуждения и выбора. Ориентиры путей их преодоления намечаются в том, что человек, став безгранично «расширенным», вынужден «собирать» теперь не только универсум, но и себя уже за счет действий технико-технологических агентов-симулякров.

Выводы. Информационное общество трансформируется в результате коэволюции человека и техники в цифровое. Формируется гибридная реальность, обретающая статус фундаментальной среды бытия. Человек всё чаще делегирует цифровым системам функцию выбора и принятия решений, предстающим новыми формами его отчуждения. Однако при этом, в цифровом обществе возрастает и роль самого человека, его целей, ценностей и значимости «человеческого» выбора, поскольку именно он несет ответственность за результаты применения технологий.

Осознание этой ответственности — одно из условий преодоления отчуждения. В этой связи «синтетическая» парадигма позволяет переосмыслить сам феномен в новых цифровых форматах его проявления, а также выявить направления исследований, определяющих ориентиры поиска преодоления проблемы отчуждения в нынешних условиях с доминантой духовного аспекта жизни, процессом поиска смысла, восстановления потерянных связей в онтологическом измерении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационное общество,
цифровизация,
гибридная реальность,
технико-технологическая среда,
субъектность,
ответственность,
отчуждение,
выбор

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Прилукова Е. Г. участвовала в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Рагозин П. С. участвовал в обсуждении концепции исследования, сборе и обработке данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 07.01.2026

Рецензии получены: 28.02.2026

Принята к публикации: 04.03.2026

Права: © Прилукова Е. Г., Рагозин П. С. (2026).

Опубликовано Челябинским

филиалом РАНХиГС. Открытый доступ

на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Формирование цифровой реальности и усиливающаяся технологизация жизнедеятельности общества и человека актуализируют тему становления отчуждения, выводя её далеко за рамки ставшей привычной классической экономической проблематики. Социально-философские концепции отчуждения так или иначе обращают внимание на его «проблемный» характер в бытии человека, проявляющийся в неизбежной потере какой-то части себя (Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Л. Фейербах, Г. Гегель, К. Маркс, М. Хоркхаймер, Ж. Бодрийяр, Н. А. Бердяев, И. И. Кальной, Л. В. Кудря, Г. В. Сорокина, Ю. В. Ярмач и др.). В сложном мире современности с высокими темпами его динамики и тотальности коммуникации число аспектов отчуждения нарастает. Справедливости ради следует подчеркнуть, что отчуждение присуще деятельности, осуществляемой её субъектом (человек, общество), проявляя себя как её атрибутивное свойство. Сегодня оно способно становиться при определённых условиях неотъемлемой частью и технологий деятельности. Следовательно, усложнение и развитие деятельности ведёт к преобразованию и отчуждения, «провоцируя» его новые виды. Яркий пример тому — активно развивающаяся сегодня технология искусственного интеллекта с отказом на выполнение работ по жёсткому линейному принципу «если, то» и «претензией» на субъектность, обладающая способностями не только к саморазвитию, но и самоорганизации [8, с. 127]. Перевод (транскодинг) подавляющего числа информации в подчиняющийся алгоритмам программирования цифровой формат и формирование «платформенного капитализма» вносит коррективы в привычные представления о субъектности, базовыми характеристиками которой служат сознание и самосознание, эмоции и воля, ценностно-целевые стратегии поведения и др.

Результаты деятельности в мире цифры постепенно овладевают человеком (от Homo sapiens к непрерывно кликающему Homo intellectualis/digital) и обществом (от осваивающего, присваивающего и зависящего от природы к знающему, создающему и диктующему природе), постоянно предлагая им возможности пользователя. Теперь, благодаря развитию несколько нового класса технологий — NBICS-технологий (НБИКС — нано-, био-, инфо-, когнитив-, социотехнологии), — усматривается не только прорыв в развитии науки по освоению мира, но и в «сотворении» мира. Формирующаяся НБИКС-конвергенция в лице социотехнонауки, стремящейся к фундаментальному стиранию междисциплинарных границ предлагает новое представление о мире и эволюции человека, «призывая» его к новому пониманию взаимодействия научного знания, существенным признаком которого являются

научные «сведения о...», с обществом как открытой и сложной системой¹. Развертывая безграничные потенциальные возможности и перспективы для человека и общества, конвергентные технологии несут в себе и «многие тайны», требующие серьезного осмысления и становящиеся предметом самостоятельных исследований.

Мир реальный всё более виртуализируется и социальное пространство расщепляется в «индустрии забвения» на пейзаж экранных событий, подчиняясь логике алгоритмов работы с большими данными в режиме реального времени трансляций. Непостижимый со сложнейшей структурой универсум оказывается информационно-коммуникационным и интерактивным в обрамлении рамки экрана высокотехнологичного дизайна. Более того, он (универсум) становится собираемым, моделируемым и управляемым. Цифровое общество трансформирует социальную реальность, подвигая её медиатизации и цифровому конструированию.

Постепенно осуществляется транзит социальности в переходах от одного типа социальности и социального порядка к другому типу (тотальная коммуникация, нарративная история, поиск новаций, цифровая этика и др.). Люди теперь взаимодействуют посредством цифровых технологий и техники, изменяя свои социальные практики. Субъект-субъектное взаимодействие все чаще заменяется на опосредованное через результат интеллектуальной деятельности в виде разнообразных цифровых продуктов. Сам человек в результате подмены социокультурных кодов ориентирами тотального информационного взаимодействия оказывается «непривязанным» к чему-либо (месту, семье, культуре, языку, имени и т. п.), послушно ведомым генерируемыми не всегда даже им самим симулякрами (признание и успех определяются и «измеряются» не поступками, а количеством лайков в сети), «обесчеловеченным», где его «естественное» все более устремляется к «искусственному».

Появляются новые возможности для отчуждения, проблемное поле которого нуждается в глубокой рефлексии на основе синтеза достижений интеллектуального капитала классической и неклассической философской мысли, поскольку сам факт отчуждения зафиксирован в ней достаточно давно (Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк и др.). В рамках данной статьи мы обратимся к гибридной реальности, формируемой в обществе цифры как онтологическому основанию новых форматов отчуждения.

Методы и материалы

Выбор методологии, методов и материалов исследования обуславливается его целью. Из-

¹ Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ) : кол. монография / под ред. И. В. Черниковой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 172 с.

учение проблем трансформации современного социального опирается на концептуальные идеи теорий постиндустриального общества, социального конструктивизма и акторно-сетевой (Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, М. Кастельс, Б. Латур, Н. Луман, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, К. Шваб, Н. Г. Багдасарьян, В. Л. Васюков, В. А. Лекторский, А. И. Ракитов, Д. В. Пивоваров, М. В. Сбойчикова, Г. В. Сорина, Е. Н. Шульга и др.).

Традиции исследований социальной реальности в рамках теории постиндустриального общества, формирующиеся под воздействием социальных, технических и технологических предпосылок, делают возможным осуществление анализа результатов интеллектуальной деятельности человека на основе симбиоза потенциалов науки, техники и технологий, продиктованного применением алгоритмов работы с различными данными. Научно-технический прогресс, оказывая явное влияние на все сферы жизни людей, превращает информацию в силу, способную создавать новую социальную реальность и управлять ею. Информация проникает плотно в ткань социального бытия, стирая пространственно-временные («здесь и сейчас») и иные ограничения. Архитектура и конфигурация общества определяются потоками информации, «растворёнными» в сетях коммуникации, где вполне допустимо присутствие соединённых воедино акторов человеческой и нечеловеческой природы.

Имея богатую историю, конструктивизм позволяет обратиться к выявлению явных и латентных субъектов конструирования социальной реальности и их всевозможные инструменты, способные «приковать» человека к месту, сделав его обращенным к «теням в пещере». Сегодня день практически любого человека начинается не с утренней зарядки или пробежки на свежем воздухе, чашки ароматного чая или кофе, а с просмотра новостной ленты экрана. Экран — новая привлекательная пещера и ловушка вовлечённости за счет «очагами видимой» реальности (реализация народной мудрости «лучше один раз увидеть», когда нет оснований не доверять своему глазу, ибо «я это видел сам»). Визуальный ряд дня настоящего времени разбит на фрагменты лавинообразных потоков богатых зрелищем сюжетов, смыслы которых уже даны. Просматривающий их, однако, не успевает их понять и порождает собственные, в которых демонстрирующиеся ему «картинки», на первый взгляд, остаются фоном. Это вовсе не означает, что их смыслы оказываются забытыми и не воспринимаются, они «встраиваются» во вновь порождающиеся смыслы, «соблазняя» их собой без какой бы то ни было определённости². Реальные пространство и время сливаются с виртуальными в единой цифровой реальности, записанные

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. А. Качалов. Москва : Постум, 2018. 240 с.

её кодами и интерпретируются по правилам различных знаковых систем, репрезентированных креолизованным языком образов экрана¹.

Акторно-сетевая теория (М. Каллон, Б. Латур, Д. Лоу, А. Мол, А. В. Марков и др.) обращается к социальной реальности как сложному конструкту, в котором присутствуют и действуют не только субъекты (люди или их объединения как носители деятельности), но и вещи, созданные и оценочно хранимые, способные стать агентами, действующими на равных с людьми. Кажущаяся парадоксальность такого положения вещей довольно четко представлена Б. Латуром в описании мира сконструированной реальности как «этическое, политическое и эмпирическое открытие существования иерархий, асимметрий и неравенства; открытие того, что ландшафт социального мира разнообразен, как пересеченная и гористая местность; что никакой энтузиазм, свободная воля или изощренность ума не могут заставить эти асимметрии исчезнуть; что все они тяжелым, как пирамиды, препятствием стоят на пути индивидуального действия, и они-то и служат объяснением того, почему общество нужно рассматривать как реальность *sui generis*»².

Выбор этих исследовательских программ позволяет рассматривать цифровизацию и становление гибридной реальности также естественно, как историческое возникновение математической, космологической, биологической, физической, химической, социальной, поэтической, символической, знаковой и других предметных и ментальных реальностей в процессе развития теоретического познания. Более того, физическая и цифровая реальности сегодня, соединяясь воедино, образуют среду бытия человека и общества. Человек не мыслит себя вне использования всевозможных гаджетов, принимая в качестве одного из основных инструментов своей деятельности информационно-коммуникационные технологии (поиск друзей в социальных сетях, заказ такси или доставку еды в приложении, выбор товаров на площадках маркетплейсов, покупка билетов в театр или на транспорт, выбор маршрута путешествия или квартиры, запись к врачу, оплата услуг, электронное голосование и т. п.). Так постепенно он (человек) начинает продукты деятельности рассматривать не как инструменты для дальнейшей деятельности, а как часть самого себя, воспринимая тем самым их как нечто естественное («живое») и позволяя им становится субъектами особого рода — техносубъектами, репрезентирующими реальность через цифровые и медийные структуры [4; 11]. Более того, эти специфические субъекты способны сами «определять»

свое поведение (например, сервисы «Алиса» от «Яндекса», «Маруся» от VK, ChatGPT, Replika, Gemini, Talkie, Siri от Apple и др.) [6].

Дополнительно в данном исследовании для получения достоверных результатов и их обоснования применялись другие аналитические инструменты: концептуальные разработки отечественных и зарубежных учёных в рамках деятельностного подхода, общей теории информации, теории психического отражения и роли в нем зрительного восприятия и в области философии техники (техника как коммуникационная стратегия). Изучение литературы, посвященной технике и технологиям коммуникации, в контексте развития которых являет себя гибридная реальность в её вариативности показывает, что благодаря развитию цифровых средств коммуникации «мир действительности» предстает в единственной реальности масс-медиа как мир симулякра, при этом он расколот на множество эпизодов-драм, которые, переплетаясь, образуют новые «симуляционные артефакты»³. Современные исследователи едины в мнении о существенной роли техники и технологий во всех сферах жизнедеятельности человечества, ведущей, в конечном счете, к созданию новой реальности [18; 19]. Более того, становящаяся новая «гибридная реальность», будучи «иной» по своей природе, подчиняется логике цифрового кода и сетевого взаимодействия на основе информационных цифровых платформ, что предполагает и несколько иное ее «восприятие через призму информационно-коммуникативной сферы как обширной многомерной территории цифровых систем, взаимодействующих между собой» [7, с. 117].

Представления о гибридной реальности прочно распространяются во многих и очень различных областях знания (математика, естествознание, социальные, гуманитарные и технические науки). Результаты исследований находят применение в связи с конкретным опытом, внедряются в сферы новейших достижений, проходя в ряде случаев непосредственную практическую проверку. Осмыслением проблемного поля гибридной реальности в настоящее время занимаются многие науки, каждая из которых обращается к своему аспекту её рассмотрения, однако, наличные материалы свидетельствуют о том, что представления о гибридной реальности продолжают пока оставаться в большей степени именно представлениями или интуициями. Кроме того, исследователями доказано, что развитие техники в современном мире все более остро проявляет двойственный характер её результатов воздействия, существенно трансформирующих социокультурные практики, привнося в них

¹ Манович Л. Язык новых медиа ; пер. Дианы Кульчицкой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.

² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 90.

³ Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина / Ж. Бодрийяр. Москва : Добросвет, 2000. 387 с.

элемент нелинейности и непредсказуемости¹. С одной стороны, без техники просто невозможно представить развитие человечества, а с другой, техника — мощная сила, способная вызывать различные, как позитивные, так и негативные (даже трагические) последствия. Поэтому авторы обращаются к более глубокому изучению социальных аспектов наступившей «технотронной эры» и другим сугубо «человеческим» проблемам. В этом плане появляется возможность преодолевать и оптимизм, и пессимизм при оценках влияния современных техники и технологий на человека, живущего в мире образов.

Материалами для данной статьи послужили классические и неклассические философские работы отечественных и зарубежных авторов, авторские исследования и креолизованные тексты новых медиа на примере экранных сюжетов рекламы². При этом изучение цифрового общества и гибридизации реальности требует обращения к идеям конструирования субъекта техникой и технологиями медиа с опорой на методы контент-анализа и социальных медиа, отчётливо демонстрирующих в примерах экранных сюжетов кейсы для конкретных исследований. Тем не менее, представление о человеке как универсальном субъекте деятельности, сформулированное в рамках классической философии, остаётся для нас ключевым в поисках оснований человеческой агентности и ответственности в современном мире.

Цифровые технологии и транзит социальности

На рубеже XX–XXI вв. научное сообщество начало оперировать термином «цифровое общество» (digital society) как описанием происходящих изменений общества информационного, прежде всего, в сфере экономики (Н. Негропonte, Д. Тэпскотт и др.). Постепенно термин прочно входил в повестку дня представителей бизнес-структур, политиков, масс медиа и рядовых граждан по мере обретения информации нового статуса: от «информации о...», как отражении чего-либо или сведений о чем-либо, — к информации как своего рода самостоятельной сущности, наряду с веществом и энергией. Благодаря новым — цифровым —

технике и технологиям, в обществе начался интенсивный переход от производства и распределения товаров реального сектора экономики к производству, хранению, обработке, переработке и передаче информации. В результате, «цифровое... становится «социальным фактом», поскольку цифровые технологии стимулируют новые социальные практики, новые социальные связи и отношения»³.

Сегодня часто словосочетание «цифровое общество» становится синонимом уже не только «общества (пост)информационного», но и «сетевого общества», «общества знаний», «общества цифровых аборигенов и цифровых мигрантов», «цифрового или платформенного капитализма» и т. д. (Д. Винн, Ш. Зубофф, М. Кастельс, М. Пренски, Н. Срничек, Н. Г. Багдасарьян, А. Е. Войскунский, М. К. Горшков, Д. Е. Добринская, М. В. Жукова и др.). Важно обратить внимание на то, что, хотя «понятие «цифровое общество» коррелирует с принятыми в постиндустриальной теории классическими понятиями «постиндустриальное общество» и «информационное общество», однако не тождественно им» и его «можно выделить как отдельный, новый этап эволюции, следующий после эпохи, называемой «постиндустриальной» и «информационной»» [18, с. 185].

Несмотря на значительное число работ, обращенных к осмыслению мира цифры, понятие цифрового общества остается неоднозначным и сегодня, его дефиниция во многом определяется задачами исследовательской программы авторов [3; 12; 15 и др.]. Тем не менее, начало XXI в. ознаменовалось признанием цифрового общества в качестве одного из ключевых объектов междисциплинарных исследований (экономика данных, цифровая медицина и демография, интернет вещей, цифровая социология и антропология, цифровая педагогика, разработка и применение «умных» проектов от домашних помощников до городов и производств реального сектора экономики, робототехника, интеллектуальные ассистенты различного плана и т. п.).

Большие данные (Big Data), блокчейн (Blockchain), интернет вещей (Internet of things, IoT), искусственный интеллект (Artificial intelligence) и т. д., как и многие другие цифровые технологии, — первоначально всего лишь спутники жизнедеятельности, затем её неотъемлемая часть, постепенно становящаяся фрагментом бытия человека и общества. Цифровому «давлению» оказываются подвержены сегодня буквально все сферы жизнедеятельности общества и человека (промышленное и сельскохозяйственное производство, банковский сектор, политика, образование, медицинское обслуживание, гостиничный бизнес и др.), что происходит в результате развития

³ Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 113.

¹ Харман Г. Четверякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 152 с.

² ВТБ — Реклама Бесприданница // URL: <https://rutube.ru/video/7dc82d666e92f68ce92b0cd6999c1331/> (дата обращения: 07.12.2025); ВТБ — Реклама Муму // URL: <https://rutube.ru/video/b51f947d05e6d030c4f356c6eac96f43/> (дата обращения: 07.12.2025); ВТБ — Реклама «Горе от ума» // <https://rutube.ru/video/77042955742de4fc487805d8da4bb857/> (дата обращения: 07.12.2025); ВТБ — Реклама «Евгений Онегин» // https://vk.com/wall-22749457_181964 (дата обращения: 07.12.2025).

и усложнения человеческой деятельности, её специализации и разнообразия.

Цифровое общество формируется на основе информационного, когда цифровые техника и технологии, созданные в его недрах, проникая во все сферы деятельности, начинают инициировать появление иных качественных характеристик реальности, — от реального сектора экономики и повседневности до «вторжения» в природу человека и смыслы его бытия [6, с. 64]. Поэтому цифровизация общества рассматривается нами как интегральное понятие, охватывающее все стороны функционирования социальной системы в условиях развёртывания цифровой революции, трансформирующей социальную реальность, в форматах медиатизации (сайты, мессенджеры, страницы в соцсетях, блоги, ИИ-аватары, email-рассылки, бренды и т. п.) и цифрового конституирования (таргетированная реклама, формирование повестки дня, «человек медийно-креативный», новые формы гражданской мобилизации, цифровые двойники и т. д.)¹.

Ярким примером также могут служить относительно консервативные и закрытые миры — мир религии и мир жизненный, которые отныне становятся одними из активных участников этих процессов. В пространстве коммуникаций формируется уникальная цифровая среда религии (мемы, селфи, лайки, просмотры, онлайн-трансляции богослужений, религиозные каналы, чаты, форумы, виртуальные паломничества и т. п.) [9; 20 и др.]. Религия оказывается более заметной в общественном пространстве, что даёт возможность появляться новым идеалам, идолам и практикам, сходным с религиозными, а религиозное таинство на экране превращает сакральные смыслы в профанные.

Бытие индивида редуцируется к программе по работе с большими данными с помощью жизни в виртуальном пространстве с его иллюзией анонимности, поскольку, прежде чем, стать частью какого-либо со-общества, необходимо заполнить строго фиксированный объем персональной информации при регистрации на входе. Так персональные данные превращаются в информационный продукт, который фактически демонстрирует вошедшего по различным параметрам. Глубоко личное принудительно обретает публичность в цифровом пространстве, следовательно, «угроза приватности возникает как в связи с вынужденной, так и в связи с добровольной передачей данных, где индивид рискует лишиться контроля над своими личными данными против своей воли. Интернет-провайдеры, государственные и частные структуры постоянно собирают, хранят и обрабатывают огромные объемы данных. Анализируются действия лиц,

совершающих банковские операции, ищущих информацию в интернете, перемещения отслеживаются с помощью камер наблюдения. Современный смартфон, постоянно подключенный к Сети, — это одновременно фото- и видеокамера, диктофон и устройство для геолокации. В итоге оказалась сформированной информационная асимметрия между рядовым гражданином и теми, кто имеет доступ к его личным данным, — никто не знает, кто, когда и зачем собирает информацию о нем и как она будет использована» [21, с. 141]. При этом, желая оставаться анонимным и незаметным, человек вынужден представлять, как можно больше информации о себе.

Сети коммуникации, «пленив» мир, принуждают человека интегрироваться в информационную среду и быть её частью. Более того, он (человек) вынужденно взаимодействует теперь не только и не столько с другим человеком, сколько с программами и алгоритмами, встающими между ними (аватар, автоответчик, чат-бот, персональный робот-собеседник и т. п.). Человек добровольно подчиняется логике цифрового кода, превращаясь в часть больших данных. Так естественное и искусственное объединяются в виртуальном пространстве и начинают «действовать вместе» в актуальном реальном, на основе чего и формируется принципиально новая гибридная реальность, в рамках которой происходит трансформация социального. Отныне человек в организации своей деятельности начинает ориентироваться на техносубъекта как на Другого, пытаясь выстраивать с ним диалог, с одной стороны, как с «живым», приписывая ему характеристики субъекта, с другой стороны, все же понимая, что перед ним машина. Однако ««образ» коммуникации меняется — от людей, стоящих лицом друг к другу, к человеку, стоящему лицом к машине»². Таким образом цифровые техника и технологии, заменяя аналоговые и предлагая всевозможные коммуникационные стратегии и практики пользователей, становятся совмещенной сферой бытия.

Оцифрованная реальность порождается «посредством революционных компьютерных технологий и становится электронно-цифровой средой как третьей природой» [19, с. 15]. В то же время, это вовсе не означает, что гибридная реальность хаотична из-за сложности и/или умножения потенциалов человека, цифровых устройств и IT-технологий. Наоборот, она конструируется в процессе деятельности человека, доверившего алгоритмам осуществлять сборку естественного и искусственного, в ходе которой второе начинает доминировать, благодаря возможности саморазвития [5; 16 и др.]. Поэтому новая реальность хотя и пластич-

¹ Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World / U. Beck. — Cambridge, Malden: Polity, 2016. — 240 p.

² Гузман А. Л. Коммуникация «человек — машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя ; пер. с англ. А. М. Морозовой. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2022. — С. 19.

на, но организована по-иному: пространство и время сжаты («здесь и сейчас», сети и потоки, скорость и темп, неравномерность и нелинейность, событийность, присутствие в любом мобильном устройстве и др.), человек безгранично «расширен» и оцифрован (многозадачность и погоня за технико-технологическими новациями, движение от алгоритмов деятельности к деятельности на основе алгоритмов, предложенных искусственным интеллектом, от аккаунта и аватара к проекту «Нейронет», нечеловеческие «герои» в форме всевозможных киборгов и т. п.), мир замкнутости превращён в универсум данных и их взаимоотношения (неопределённость, экспансия технологий цифрового управления и замена «дисциплинарных практик» различными формами учета-контроля показателей, постфундаментализм и т. д.). И оказалось, что в этом стремительно обновляющемся мире всегда есть место, как безграничным возможностям развития (ускорение поиска информации, доступность образования, «умные» помощники, новые формы труда и пр.), так и деградации (цифровое неравенство, социальная изоляция, цифровое кочевничество, интернет-зависимость и т. п.), создающим цифровые противоречия и разрывы в социуме.

Отчужденный субъект гибридной реальности

При более глубоком проникновении в осмысление мира гибридной реальности можно заметить, что человек, «провоцируемый» всевозможными девайсами, постоянно испытывает «соблазн» отказаться от самого себя, становясь все более квантифицированным и ведомым специфическими знаками и символами новой реальности в виде контекстов, алгоритмов, программ, различных данных, платформ и иных её атрибутов. Мир стал многомерной, сетевой и конструируемой информационно-цифровой средой, таящей в себе угрозу «неспособности поглощать или справляться с неумолимыми объемами информации, требующей внимания»¹ и формирующей различные вариации цифрового неравенства (digital divide) в условиях экспансии капитализма платформ — от доступа к цифровой технике и владения пользовательскими навыками до использования результатов и мощности технологии искусственного интеллекта. Холодный блеск интерфейсов превратил мир в гигантскую «фабрику отчуждения», когда в результате «развития машинного и высокотехнологичного производства появляется опасность потерять человека в цифровых алгоритмах» [2, с. 47]. Поэтому высказываемая идея об «агентности

(agency) — способности пользователя, актора к самостоятельному действию — проблематизируется в цифровой реальности в силу возрастающей технологической колонизации» [17, с. 184]. В результате агентность сопровождается отчуждением, снижая потенциал субъектности за счет стремления агента к самостоятельности с использованием цифровых инструментов, которые тщательно отслеживают его цифровые маркеры и на этой основе предлагают ему персонализированные рекомендации в выборе приоритетов деятельности.

Разумеется, социокультурная динамика порождает в каждую эпоху свои форматы отчуждения, являющие собой «не более чем зеркальное отражение общества, его воображаемое, его фантастический принцип реальности...»². Однако при этом само понятие «отчуждение» не всегда явно присутствует в дискурсе современной философии, а представления о нём складывались в рамках классической философии (Г. Гегель, Т. Гоббс, И. Кант, К. Маркс, Ж.-Ж. Руссо и др.). Учитывая, что «...сегодня отчуждение присутствует почти повсюду. Оно существует в производительном труде и домашнем потреблении и доминирует в большей части политики и повседневной жизни. Эта тенденция продолжается и с усилением применения информационных технологий и искусственного интеллекта» [22, р. 424], а размышления о нём оказались в центре внимания исследователей, представляющих неклассическую и постнеклассическую линии в развитии философской мысли (Т. Адорно, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Т. Веблен, М. Кастельс, Б. Латур, Г. Маркузе, Н. Срничек, Ю. Хабермас, С. В. Володков, С. И. Дудник, М. К. Мамардашвили, Д. В. Пивоваров, С. А. Смирнов и др.). Оценки влияния отчуждения на человека и общество в гибридной реальности различны, тем не менее, авторы отмечают её нарастающий потенциал в предложении разнообразных форм ухода от реальности актуальной.

Нынешние смысловые ценности человека во многом определяются его активностью в цифровой реальности и как следствие, появляются «фрилансер», «третье место», «экономика эмоций», «индустрия впечатлений» и т. п. В цифровой реальности происходит становление новой — алгоритмизированной — идентичности «ранимого» поколения «девочки с пальчик»³. Типичными характеристиками его представителей можно назвать стремление получить «всё и сразу» «здесь и сейчас» при минимальных усилиях, не обременяя себя долгосрочными планами и обязательствами (можно попробовать всё начать заново), отсутствие желания быть «привязанным» к кому/че-

¹ Janelle D. G., Gillespie A. Space-Time Constructs for Linking Information and Communication Technologies with Issues in Sustainable Transportation // Transport Reviews. 2004. Vol. 24 (6). P. 665.

² Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. С. 62.

³ Серр М. Девочка с пальчик; пер. А. Соколинская. Москва: Литагент Ад Маргинем. 2016. — 72 с.

му-либо (интенсивная, а порой и агрессивная мобильность, приводящая к цифровой маргинализации), манифестация своей цифровой презентации в нарративе (жизненный опыт как событийный сериал, история как эмоциональный пересказ прожитого), зависимость от девайсов (пребывание онлайн как естественное состояние и отказ от признания различий между виртуальным и реальным)¹.

Так цифровые двойники (аккаунт, аватар, комментарий, лента постов, размещенные изображения, стихи, блог и иной цифровой след) из средства представления «себя другим» превращаются в отражение идентичности, представляя фиксацию принимаемых и тиражируемых идеалов и образов в виде изображений на экране. Однако эти экранные представления не сводимы к реальным людям, событиям или фактам, они — их репрезентация. Как следствие, появляется возможность снижения ответственности за свои действия или бездействие их реальных прообразов. Тотальное присутствие экрана позволяет цифровым технике и технологиям «уводить» человека в мир власти зрелищных симулякров, способных убеждать его, предоставляя новые способы освоения знания и понимания. Основная характеристика образов экрана — динамичность, доступность и простота в объяснении и интерпретации репрезентируемой информации, а также воспроизводимость и постоянная порождаемость.

Специфическое объяснение реальности образами экрана предлагает её новое «прочтение» на своём особом — креолизованном — языке. Яркий пример тому, как трагедия, заявленная русской классической литературой, превращается в историю успеха рекламными образами банка ВТБ, а сам банк номинирует себя равным ей — «ВТБ — это классика!». Разумеется, эти рекламные сюжеты довольно часто просматривают дети, ещё не знакомые с содержанием самих произведений, а значит такое «культурное посредничество» играет неблагоприятную роль в приобщении к духовному наследию культуры: в будущем, на уроке литературы «детский шлейф» воспоминаний ребёнка о «картинке» с экрана будет нести специфический аналоговый вид эмпирической реальности и оказывать влияние на отношение к воспринимаемому произведению в момент его непосредственного изучения.

Более того, нелинейный характер цифровых средств, предлагаемый ими непоследовательный ход мысли порождает представление об отсутствии причинно-следственной связи демонстрируемых событий, их нерегистрируемой «фрагментарности» и невидимой «распределённости» в пространстве и во времени, что нарушает аппарат формально-логического,

абстрактного мышления, который становится средством порождения новой и непривычной эмоциональной жизни человека. Чтение с экрана текста, представленного креолизированным языком, оказывает существенное влияние на его понимание, поскольку требует участие различных модальностей восприятия, т. к. привычная линейная последовательность прочтения такого текста отсутствует, а сюжет в нём «раздвигается». Гипертекст с этой точки зрения ещё более сложен для понимания читаемого, потому что в его структуре обязательно наличие двух компонентов: самого текста и гиперссылок. Так происходит проникновение одних реальностей в другие, что стало сегодня уже настоящим символом нового мироощущения человека.

Поэтому цифровые тексты в силу своей природы дают богатую палитру смысловых полей, предлагая воспринимать готовое «кем-то-понятое» ранее. Мир, создаваемый цифровыми средствами, постоянно подвержен интерпретациям и переинтерпретациям — все в нём толкуемо, прочитывается и перечитывается, создаются и пересоздаются бесчисленные варианты понимания, прирастают и убывают смыслы. Интерпретационный характер порождает множество «разномасштабных реальностей», переплетающихся, борющихся и взаимодополняющих друг друга. Гипертекст, как совершенно новый феномен, уводит читателя в объемный мир пространства экрана. Экран теперь не отражает реальность — он властвует над ней, создавая её по своим правилам и как новый Демиург, позволяя человеку лишь событийствовать с безграничным «резервом воображаемого» таким образом, что «границы мира отступают в бесконечность, происходит утечка реальности как внутренней связности ограниченного мира»². На смену реальности приходит гиперреальность, когда всякая возможность познать реальное утопична и одновременно возрастает ностальгия по некой подлинности, удовлетворить которую в принципе невозможно, поскольку ностальгия эта приводит к дальнейшей эскалации и интенсификации. Человек оказывается закрывающимся миром симулякров, в котором доминируют яркие визуальные образы, технократизм технологий, играющий главную роль в организации жизнедеятельности. В сторону наглядно-образного восприятия смещаются и стратегии рационально-критического мышления — аналитичность, логичность, критическая рефлексия, — уступая место зрелищу и эмоциям. Отныне среда обитания меняет не только восприятие реальности, но и образ мысли и поведение. Так, например, став универсальной характеристикой организации деятельности и систем действия, визуализация «принуждает» крупные промышленные предприятия непре-

¹ Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык ; пер. с англ. Ю. Кондукова. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 81.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. А. Качалов. М. : Постум, 2018. С. 166–167.

рывного цикла при найме на работу молодых специалистов переводить нормативные документы по промышленной безопасности в «нескучные» визуальные микронарративы по культуре безопасности [10].

Систематизация и обобщение данных в гибридной реальности как самостоятельного вида в контексте естественной реальности, закрепляется устойчивыми семиотико-терминологическими средствами существования, имеющими сугубо самостоятельную семантику (значение) и историю. В ней формируется свой язык, благодаря которому человек утрачивает непосредственность восприятия реальности и выстраивает между собой и действительностью мир таинственных образов, которые служат для него ориентиром. Теперь человек живет не только в физической, но и в символической реальности, т. е. его реальность гибридна. Образы проникают в сознание и оправдывают мысленные модели действительности. Результатом этой бомбардировки образами является ускоренное отмирание старых представлений, убыстрение интеллектуальной переработки понятий и появление острого ощущения непостоянства знания. Оно тоже распространяется в виде образов и «от образа к образу через образ». Возникновение гибридной реальности как наличной данности и ее отражение в общественном сознании породили различное к ней отношение (конвенциональное, претенциозное, научно-критическое и т. д.), тем самым подтверждая факт её существования. При этом систематизация и обобщение данных гибридной реальности, как самостоятельного вида в контексте естественной реальности, закрепляется устойчивыми семиотико-терминологическими средствами существования, имеющими также сугубо самостоятельную семантику (значение) и историю. Здесь и развиваются свой язык, свои термины и символы, фиксирующие её наличное существование.

«Цифровое ожирение», навязанные стандарты успешной жизни, эстетические и этические ориентиры, транслируемые посредством современных медиа, дивергенция между офлайн и онлайн коммуникативным статусом человека, а также тренды на применение искусственного интеллекта в онлайн коммуникации усугубляют проблему отчуждения, поскольку субъектом коммуникации становится сама цифровая реальность. На формирование новых форм отчуждения оказывают влияние различные факторы, одним из которых можно назвать прекаризацию как новый вид трудовых отношений в цифровом обществе. Отсутствие стабильной работы и социальных гарантий, дистанционные формы занятости зачастую приводят человека к фрустрации и пессимистичному восприятию реальности. В концептуальном плане это означает, что происходит формирование принципиально нового

типа человека, личность которого «собирается» и поддерживается алгоритмами, сознание и поведение интегрируются в цифровую среду, поскольку границы мира «размыты» медиатизацией. Платформенные алгоритмы активно участвуют в поиске и найме работников, предлагая его образ как идеальную форму занятости, где претенденты сами определяют характер, график и интенсивность труда, исходя из своих потребностей, а «наличие ноутбука или айфона дает им право причислять себя к «среднему классу» — «свободным предпринимателям» и людям «креативных профессий», — что фактически не всегда соответствует действительности [14, с. 114].

Таким образом, с одной стороны, человек уступает место не-человеку в лице цифровой техники и технологий: появляются новые — технико-технологические агенты, претендующие на статус субъекта социальной реальности, способные обучаться и «перестав быть простым объектом, отчуждаемым от человеческой активности, технология становится активным участником процесса коммуникации», что и позволяет ей обрести субъектность [1, с. 61]. Однако, с другой стороны, за каждыми образом, техникой и технологиями скрывается субъект — человек-автор, даже если вместе с ним действует актор или агент, созданный технологиями, появление и работу которого обеспечивает, тем не менее, человек. Да и сама цифровая реальность есть всего лишь репрезентация бытия, сконструированная деятельностью человека и изменяющая восприятие мира, но не сам мир. Безудержное и рационально-критически неосмысленное потребление информации, сопровождаемое её фетишизацией, становится одним из факторов становления новых видов социальности и формирования отчуждения. Поэтому можно сказать, нарастает своего рода «усиление человека», что и становится основой снятия отчуждения, где человек перестает быть потребителем контента, а выступает в качестве «осознающего творца». Техника и технологии, хотя и способны развиваться по своим правилам, все же остаются инструментом человеческой деятельности. Следовательно, именно человек несёт ответственность за результаты своей деятельности и своих изобретений, созданных не только уже им самим непосредственно, где важны цели и ценности, которыми руководствуется человек. В противном случае, снимая с себя ответственность, человек рискует утратить субъектность и превратится из «творца» в «пользователя». Несмотря на то, что теперь статус «подлинности» все чаще переходит к экранам и искусственно созданным моделям, наши действия в виртуальной реальности не отменяются в реальности актуальной. Поэтому выбор остается за человеком, ибо создаваемый им мир требует его, «человеческой» свободы, которой, однако, не бывает без ответственности.

И в этой связи, на наш взгляд, переосмыслить феномен отчуждения в новых форматах его проявлений позволяет «синтетическая» парадигма, сформулированная Д. В. Пивоваровым, акцентирующая внимание на его философском и антропологическом аспектах в цифровую эпоху¹. Отчуждение с этой позиции рассматривается как один из способов конструирования коммуникативного статуса личности наряду с поиском идентичности, как «локации «интерактивной инфосферы» культурного пространства», как «ресурс» цифрового бессмертия, как «коммуникационное раскрепощение субъекта и преодоление технологического отчуждения», как инициирование появления цифровой антропологии как инструмента анализа существования человека в сетевой парадигме и т. д. [13]. Кроме того, исследование проблемы отчуждения и непосредственно цифрового отчуждения в рамках синтетической парадигмы позволяет выявить направления исследований, определяющих ориентиры поиска преодоления проблемы отчуждения в нынешних условиях. Это, к примеру, исследования влияния цифровых технологий на духовность и формирование духовного опыта человека, а также разработка и обоснование цифровой этики на основе анализа этических аспектов использования социальных сетей, обработки данных и создания искусственного интеллекта и др. [13].

Заключение

На рубеже XX–XXI вв. информация, обретая статус самостоятельной сущности, будучи гипотезированной формой существования как некоторого аналога естественной реальности, становится определенным видом отношений и свойств собственно реальности. Одна из непреложных характеристик сегодняшнего дня — стремительное разрастание экранной системы, интенсивное развитие визуального видения мира и его визуального моделирования. Экран предоставляет возможность человеку быть связанным со всем человеческим сообществом. Возникновение этого было подготовлено всем ходом исторического развития общества. Развитие науки и техники, технологий массовой коммуникации и информации создало возможность для появления виртуальной реальности. В социально-практическом видении проблемы очевидно её влияние на политику, право, экономику, идеологию, науку, эстетику, нравственные отношения, социализацию, образование, воспитание и другие сферы жизнедеятельности социума. Благодаря цифровым технике и технологиям информационное общество существенно трансформируется, ста-

новясь цифровым. В результате развития и усложнения человеческой деятельности, её специализации и разнообразия формируется гибридная реальность. Естественное и искусственное объединяются в виртуальном пространстве. Цифровые техника и технологии создают целый мир поведенческих моделей, которые постоянно окружают человека и направляют его деятельность.

В сознании формируется определенный образ мира — мир многомерный, искусственный, вариативный, который может конструироваться и моделироваться новейшими цифровыми техникой и технологиями, что позволяет алгоритмам цифрового «фабриковать реальность». Новая реальность конструируется деятельностью человека на основе логики цифрового кода: пространство и время сжимаются, сам человек безгранично «расширяется», мир существует как универсум данных и их взаимоотношений. Человек встречается с ненаблюдаемыми, неповторимыми, невозпроизводимыми объектами, которые не могут быть редуцированы к вещам, инструментам, механизмам, машинам. На этом основании цифровой мир становится «фабрикой» отчуждения, так как в нем господствует образ, задающий смыслы и ценности. Происходит «сборка» принципиально нового типа человека, отказывающегося от рационально-критического мышления и права делать выбор.

Однако за цифровыми продуктами стоит конкретный субъект, где техника и технологии всего лишь инструмент деятельности. Именно поэтому и возрастает ответственность человека за результаты его деятельности, требующая преодоления логики «фабрики отчуждения», что являет собой «вечное возвращение» человека к себе как к субъекту с доминантой духовного аспекта жизни, процесса поиска смыслов, восстанавливающих прерванные связи онтологического и онтического отчуждения в мире цифровых образов-конструктов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аршинов, В. И. Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностью» / В. И. Аршинов, М. Ф. Янукович // Философские науки. — 2024. — Т. 67. — № 3. — С. 53–74. — DOI 10.30727/0235-1188-2024-67-3-53-74. — EDN RCVGRY.
2. Астахова, Н. Д. Отчуждение в системе социально-экономических трансформаций цифровой эпохи / Н. Д. Астахова // Цифровой учёный: лаборатория философа. — 2024. — Т. 7, № 4. — С. 46–59. — DOI 10.32326/2618-9267-2024-7-4-46-59. — EDN WSLRPY.
3. Багдасарьян, Н. Г. «Цифровое общество»: концептуальные подходы, проблемы и перспективы / Н. Г. Багдасарьян, А. Л. Кравченко // Знание. Понимание. Умение. — 2023. — № 2. — С. 47–59. — DOI 10.17805/zpu.2023.2.4. — EDN BXCDBG.
4. Буданов, В. Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность

¹ Пивоваров, Д. В. Понятие отчуждения: альтернативные подходы // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2007. Т. 54, вып. 4. С. 80–92. EDN: IJSZGX.

нальность, риски // *Философские науки*. — 2024. Т. 67. — № 3. — С. 27–52. — DOI 10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52. — EDN WIBHLY.

5. Василенко, Л. А. Метаморфозы цифровой многосубъектности: регулятивы мягкого управления vs программированного общества / Л. А. Василенко // *Наука. Культура. Общество*. — 2024. Т. 30. — № 2. — С. 10–24. — DOI 10.19181/nko.2024.30.2.1. — EDN PBXVRT.

6. Василенко, Л. А. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? / Л. А. Василенко, Н. Н. Мещерякова // *Философия науки и техники*. — 2023. — Т. 28. № 1. — С. 48–65. — DOI 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65. — EDN USPLIV.

7. Васюков, В. Л. Цифровая онтология и цифровая герменевтика / В. Л. Васюков, Е. Н. Шульга // *Вопросы философии*. — 2024. — № 4. — С. 116–125. — DOI 10.21146/0042-8744-2024-4-116-125. — EDN GZAJLL.

8. Грибков, А. А. Рождение субъектности у искусственного интеллекта: фантастика или реальная угроза? // *Философские науки*. — 2025. Т. 68. — № 1. — С. 116–132. — DOI 10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132. — EDN OHDKHE.

9. Душакова, И. С. Граница между религиозными и нерелигиозными медиа: опыт Русской Православной Церкви в российском медиапространстве / И. С. Душакова, Е. Д. Владимиров // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции*. — 2024. — С. 536–562. — DOI 10.31168/2658-3356.2024.25. — EDN DANDRB.

10. Ефименко, И. А. Цифровая трансформация охраны труда: вызовы и перспективы / И. А. Ефименко, И. А. Минаева // *Инновационные научные исследования*. — 2025. — № 4–2 (58). — С. 76–84. — DOI 10.5281/zenodo.15552943. — EDN CAVMLI.

11. Зайкова, А. С. Можно ли относиться к роботам и к иным техносубъектам как к животным: к вопросу о социальной агентности / А. С. Зайкова // *Семиотические исследования*. Semiotic studies. — 2025. — Т. 5. — № 3. — С. 16–23. — DOI 10.18287/2782-2966-2025-5-3-16-23. — EDN SPMSSS.

12. Зотов, В. В. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации / В. В. Зотов, И. А. Асеева, В. Г. Буданов, В. А. Белкина // *Цифровая социология*. — 2022. — Т. 5. № 2. — С. 4–20. — DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20. — EDN DFYOMG.

13. Кудрявцева, В. И. Проблема отчуждения в цифровую эпоху в контексте синтетической парадигмы Д. В. Пивоварова / В. И. Кудрявцева, Е. С. Лебедь, Ю. В. Циплакова // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. — 2024. — № 2. — С. 75–82. — DOI 10.25198/2077-7175-2024-2-75. — EDN RIWEDM.

14. Лоткин, И. А. Современный прекариат в социальной структуре общества / И. А. Лоткин, Л. И. Лоткина // *Инновационная экономика и общество*. — 2023. — № 2 (40). — С. 113–122. — EDN UZZWLS.

15. Мартыанов, Д. С. Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве / Д. С. Мартыанов, Г. В. Лукьянова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. — 2024. — Т. 26. № 2. — С. 425–435. — DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435. — EDN LPLRXQ.

16. Матвеева, И. П. Технологии «искусственного интеллекта»: перспективы развития и социально-психологические угрозы / И. П. Матвеева, А. В. Морозов, Е. Ю. Небродовская-Мазур // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. — 2025. — № 3 (19). — С. 64–58. — DOI 10.24412/1994-3776-2025-3-58-64. — EDN VPAHHG.

17. Новицкая, Т. Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма / Т. Е. Новицкая // *Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия*. — 2023. № 1 (269). С. 181–186. — DOI 10.52065/2520-6885-2023-269-1-33. — EDN SBETME.

18. Сбойчикова, М. В. Эволюция цифрового общества с точки зрения теории постиндустриализма / М. В. Сбойчикова // *Векторы благополучия: экономика и социум*. — 2023. — № 4 (51). — С. 172–195. — DOI 10.18799/26584956/2023/4/1686. — EDN MIRZUV.

19. Соколов, М. А. Ловушки отчуждённой вовлечённости и способ выхода из них / М. А. Соколов // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. — 2025. — № 5. — С. 123–132. — DOI 10.25198/2077-7175-2025-5-123. — EDN VAWDTN.

20. Тихонова, И. Ю. Медиатизация религии / И. Ю. Тихонова // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. — 2023. — № 2. — С. 53–57. — EDN PWYSXE.

21. Чеснокова, Л. В. Цифровая медиасреда и проблемы приватности / Л. В. Чеснокова // *Вестник Гуманитарного университета*. — 2025. — Т. 13, № 1. — С. 136–145. — DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.12. — EDN KSEBHF.

22. Harvey D. Universal Alienation // *Communication, Capitalism and Critique*. — 2018. Vol. 16, no 2. — P. 424. <https://doi.org/10.1080/14797585.2018.1461350>.

REFERENCES

1. Arshinov, V. I., Yanukovich, M. F. (2024) The Issue of Technosubject through the Lens of “Together-with-Complexity” Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*, vol. 67, no. 3, pp. 53–74. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-53-74>. <https://elibrary.ru/rcvgxy>.

2. Astashova, N. D. (2024). Alienation in the System of socio-economic transformations of the digital era. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, no. 7(4), pp. 46–59. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-4-46-59>. <https://elibrary.ru/wslrpy>.

3. Bagdasar'yan, N. G., Kravchenko, A. L. (2023). “Digital Society”: Conceptual Approaches, Problems and Prospects. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 47–59. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.2.4>. <https://elibrary.ru/bxcdbg>.

4. Budanov, I. A. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human-Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*, vol. 67, no. 3, pp. 27–52. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52>. <https://elibrary.ru/wibhly>.

5. Vasilenko, L. A. (2024) Metamorphoses of digital multi-subjectivity: the regulatives of soft governance vs a programmed society. *Science. Culture. Society*, no. 30(2), pp. 10–24. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1>. <https://elibrary.ru/pbxvrt>.

6. Vasilenko, L. A., Meshcheryakova, N. N. (2023). Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*, no. 28(1), pp. 48–65. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65>. <https://elibrary.ru/uspliv>.

7. Vasyukov, V. L., Shulga, E. N. (2024). Digital ontology and digital hermeneutics. *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 116–125. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125>. <https://elibrary.ru/gzajll>.

8. Gribov, A. A. (2025) The Emergence of Agency in Artificial Intelligence: Science Fiction or a Real Threat? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*, vol. 68, no. 1, pp. 116–132. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132>. <https://elibrary.ru/ohdkhe>.

9. Dushakova, I. S., Vladimirov, E. D. (2024). The

border between religious and non-religious media: the Russian orthodox church's experience in the Russian media space. In *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia*. pp. 536–562. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2024.25>. <https://elibrary.ru/dandrb>.

10. Efimenko, I. A., Minaeva, I. A. (2025). Digital Transformation of Occupational Safety: Challenges and Prospects. *Innovative Scientific Research*, no. 4–2(58), pp. 76–84. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15552943>. <https://elibrary.ru/cavmli>.

11. Zaykova, A. S. (2025). Why robots and other technosubjects can be treated like animals: to issue of social agency. *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 3, pp. 16–23. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-3-16-23>. <https://elibrary.ru/spmsss>.

12. Zotov, V. V., Aseeva, I. A., Budanov, V. G., Belkina, V. A. (2022). Converting the sociotechnical convergence hazards into the risks of digitalization. *Digital Sociology*, no. 52, pp. 4–20. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20>. <https://elibrary.ru/dfyomg>.

13. Kudriavtseva, V. I., Lebed, E. S., Tsiplakova, Yu. V. (2024) The problem of alienation in the digital age in the context of D. V. Pivovarov's concept of synthetic paradigm. *Intellekt. Innovacii. Investicii [Intellect. Innovations. Investments]*, vol. 2, pp. 75–82. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-75>. <https://elibrary.ru/riwedm>.

14. Lotkin, I. V., Lotkina, L. I. (2023) The modern precariat in the social structure of society. *Innovative economics and society*, no. 2 (40), pp. 113–122. <https://elibrary.ru/uzzwls>.

15. Mart'yanov, D. S., Luk'yanova, G. V. (2024). Platform as a factor of digital imperialism in the Russian information space. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), pp. 425–435. [https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435)

[26-2-425-435](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435). <https://elibrary.ru/lprlxq>.

16. Matveeva, I. P., Morozov, A. V., Nebrodovskaya-Mazur, E. Yu. (2025). «Artificial intelligence» technologies: development prospects and socio-psychological threats. *Telescope: journal of sociological and marketing research*, no. 3(19), pp. 58–64. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-3-58-64>. <https://elibrary.ru/vpahhg>.

17. Novitskaya, T. Ja. (2023) Agency and alienation in the conditions of digital capitalism. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, no. 1 (269), pp. 181–186. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33>. <https://elibrary.ru/sbetme>.

18. Sboichikova, M. V. (2023). Digital society as an evolutionary stage of post-industrial development. *Journal of Wellbeing technologies*, no. 4(51), pp. 172–195. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1686>. <https://elibrary.ru/mirzuv>.

19. Sokolov, M. A. (2025) Traps of alienated involvement and a way out of them. *Intellekt. Innovacii. Investicii [Intellect. Innovations. Investments]*, vol. 5, pp. 123–132. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-123>. <https://elibrary.ru/vawdtn>.

20. Tikhonova, I. Yu. (2023). Mediatization of Religion. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, no. (2), pp. 53–57. <https://elibrary.ru/pwysxe>.

21. Chesnokova, L. V. (2025). Digital Media Environment and Privacy Issues. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*, no. 13(1), pp. 136–145. <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.12>. <https://elibrary.ru/ksebhf>.

22. Harvey, D. (2018). Universal Alienation // *Communication, Capitalism and Critique*, vol. 16, no. 2. pp. 424–439. <https://doi.org/10.1080/14797585.2018.1461350>.

For citing: Prilukova, E. G., Ragozin, P. S. (2026)
Alienation of digital reality: a person without a choice
or a choice for a person? *Sotsium i vlast/Society and Power*,
23 (1), pp. 102–114. <https://elibrary.ru/ukmhgh>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN UKMHGH
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7
UDC 101.1:316 + 130.3

ALIENATION OF DIGITAL REALITY: A PERSON WITHOUT A CHOICE OR A CHOICE FOR A PERSON?

Ekaterina G. Prilukova,

South Ural State University (National Research University),
Professor, Department of Philosophy,
Chelyabinsk, Russia.
SPIN 1101-9447
ORCID 0000-0002-0502-2917
Researcher ID PHD-9345-2026
E-mail: prilukova74@gmail.com

Pavel S. Ragozin,

South Ural State University (National Research University),
Postgraduate Student, Department of Philosophy,
Chelyabinsk, Russia.
SPIN 2188-8289
ORCID 0009-0009-4856-5207
E-mail: zluka6666@gmail.com

ABSTRACT

Introduction. The authors of the article address the limitless potential of digital technology and technology as a result of human activity in the transformation of the information society, where mediatization and digital constitution of the current social reality leads to the emergence of a hybrid reality that significantly alters the perception of the world. Based on the co-evolution of new technologies and humans, digital reality enables the reformatting of the information society into a digital one, and human activity is increasingly mediated by digital technology and devices, thereby establishing and unfolding a hybrid reality. This, in turn, leads to the transformation of social practices, transforming them into a hybrid format: socialization through distance learning technologies, online solidarity, the blurring of privacy boundaries, etc. A gradual transition of sociality (total communication, the search for innovation, digital ethics, etc.) is taking place, giving rise to new forms of alienation. Digital reality, invading the realms of human and social existence, transforming their environment into a hybrid one, is becoming a “factory” for new forms of responsibility and alienation, while networks and platforms, forcing individuals and society to act in a world of screen images, are becoming the primary symbolic tool for their construction.

The **purpose** of the study is to analyze human-induced changes in the information society, leading to the emergence of new forms of alienation in digital reality. The objectives are to examine the methods of mediatization and digital constitution that lead to the formation of a hybrid reality, its development and unfolding, and the transformation of social practices into a “transition of sociality” in the context of the information society’s transformation into a digital one; to analyze the new forms of alienation generated by these processes, and networks and platforms as the primary symbolic tools for constructing contemporary forms of alienation, responsibility, and choice; and to identify benchmarks for overcoming the alienation of hybrid formats of digital reality.

Discussion. To analyze the hybridization of social practices, the article employs an interdisciplinary approach. It allows for the synthesis of methodological tools from classical socio-philosophical knowledge (in particular, the concepts of agency and alienation) and non-classical ones (ideas from theories of post-industrial society, social constructivism, actor-network theory, and critical data studies). The research methodological framework also includes both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction) and specialized ones (content analysis of creolized social media texts). The scientific novelty of the study. In understanding the digitalization of society, two poles have emerged in current

socio-philosophical discourse: optimistic and pessimistic. This approach is limited and fails to recognize the multidimensionality and ambivalence of digital transformation. On the one hand, the mediatization of society and its construction through the architecture of digital platforms offers models and standards for various social practices, forcing individuals to lose their agency. On the other hand, digital technology is merely the result of human activity and, therefore, increases human responsibility for the design of the digital landscape. Therefore, the authors of the article believe that a third approach is needed — a synthetic one, the one that views the emergence of a digital society as a continuation of an information society, not only manifesting the intensifying contradictions in the positioning of individuals as subjects but also identifying ways to resolve them.

Results. Viewing digital society as a logical continuation of the **information** society, the authors point out that digital technology and equipment are merely artifacts of complex sociotechnical activity and lack independent subjectivity. Rejecting criticism of big data systems, algorithms, and platforms that impose organizational formats on society and individuals, the perspective on digital society shifts to an analysis of the problems of the hybridization of reality associated with new formats of responsibility, alienation, and choice. The guidelines for overcoming these problems are outlined in the fact that humans, having become infinitely “expanded,” are now forced to “assemble” not only the universe but also themselves through the actions of technical and technological simulacrum agents.

Conclusions. The information society is being transformed into a digital one as a result of the coevolution of man and technology. A hybrid reality is emerging, acquiring the status of a fundamental environment of existence. People are increasingly delegating the function of choice and decision-making to digital systems, which present a new form of alienation. However, in a digital society, the role of the individual, their goals, values, and the significance of “human” choice are also increasing, as they are responsible for the results of technology application. Awareness of this responsibility is one of the conditions for overcoming alienation. In this regard, the “synthetic” paradigm allows us to rethink the phenomenon itself in new digital formats of its manifestations, as well as to identify research directions that define the guidelines for overcoming the problem of alienation in current conditions, with the dominant spiritual aspect of life, the process of searching for meaning, and the restoration of lost connections in the ontological dimension.

KEYWORDS

information society
digitalization,
hybrid reality,
technical and technological environment,
subjectivity,
responsibility,
alienation,
choice

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest.

DECLARED CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

E.G. Prilukova participated in developing the study concept, collecting, processing, and analyzing data, writing the manuscript, and formulating the conclusions.

P.S. Ragozin participated in discussing the study concept, collecting and processing data, writing the manuscript, and formulating the conclusions.

Both authors read and approved the final version of the manuscript

USE OF AI TOOLS

The authors declare that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 07.01.2026

Reviews received: 28.02.2026

Accepted for publication: 04.03.2026

Copyright: © Prilukova E. G., Ragozin P. S. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPA.

Open access under CC BY-ND